

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПО СТАТУТАМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО**ПРАВОВА РЕГЛАМЕНТАЦІЯ ДОСУДОВОГО ПРОВАДЖЕННЯ У КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОЦЕСІ ЗА СТАТУТАМИ ВЕЛИКОГО КНЯЗІВСТВА ЛИТОВСЬКОГО****LEGAL REGULATION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEEDINGS ACCORDING TO THE STATUTES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA****Шкаплеров Ю.П., к.ю.н., доцент,
первый заместитель начальника***Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

Статья посвящена рассмотрению малоизученной в белорусской уголовно-процессуальной доктрине нормативной регламентации досудебного производства в уголовном процессе согласно положениям Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. Принятие данных нормативных документов связано с расцветом правовой теории и практики законодательной деятельности периода феодализма на белорусских и украинских землях. Значительная часть норм Статутов регулировала правовой статус и деятельность органов и должностных лиц, осуществлявших уголовное преследование и правосудие. Автор анализирует правовой статус лиц, осуществлявших досудебное производство в XVI–XVIII веках (вижа, возный и др.), нормативную регламентацию соответствующих процессуальных действий, а также правоприменительную деятельность на землях Великого княжества Литовского, входящих сегодня в состав Беларуси. Анализу, среди прочего, подвергается такой процессуальный институт, как шкрутыниум, а также деятельность копного суда по обнаружению и фиксации следов преступления. При этом отмечается, что в Статутах Великого княжества Литовского (особенно это касается Статута 1588 года) уже довольно детально регламентировался порядок проведения таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование и обыск, в нынешнем их понимании. Также обращается внимание на бурное развитие нормативных положений, регламентирующих производство этих следственных действий, в XVI веке. Автор отмечает, что ряд положений Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 годов, ретранслируясь в последующие нормативные акты и получая в них свое развитие, сегодня закреплены в современном Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, виж, возный, следственные действия, Статуты Великого княжества Литовского.

Статья посвящена розгляду маловивченої в білоруській кримінально-процесуальній доктрині нормативної регламентації досудового провадження у кримінальному процесі відповідно до положень Статутів Великого князівства Литовського 1529, 1566 і 1588 років. Ухвалення цих нормативних документів пов'язано з розквітом правової теорії і практики законодавчої діяльності періоду феодалізму на білоруських і українських землях. Значна частина норм Статутів регулювала правовий статус і діяльність органів і посадових осіб, які здійснювали кримінальне переслідування і правосуддя. Автор аналізує правовий статус осіб, які здійснювали досудове провадження в XVI–XVIII століттях (виж, возний та ін.), нормативну регламентацію відповідних процесуальних дій, а також правозастосовчу діяльність на землях Великого князівства Литовського, що входять сьогодні до складу Білорусі. Анализу, серед іншого, піддається такий процесуальний інститут, як шкрутиніум, а також діяльність копного суду з виявлення та фіксації слідів злочину. Водночас наголошується, що у Статутах Великого князівства Литовського (особливо це стосується Статуту 1588 року) уже досить детально регламентувався порядок проведення таких слідчих дій, як огляд і обшук, у нинішньому їх розумінні. Також звертається увага на бурхливий розвиток нормативних положень, що регламентують проведення цих слідчих дій, у XVI столітті. Автор зазначає, що низка положень Статутів Великого князівства Литовського 1529, 1566, 1588 років, які ретранслюються в нормативні акти і набувають у них розвитку, сьогодні закріплені в сучасному Кримінально-процесуальному кодексі Республіки Білорусь.

Ключові слова: історія права, кримінальний процес, виж, возний, слідчі дії, Статути Великого князівства Литовського.

The normative regulation of pre-trial proceedings in criminal proceedings, poorly studied in the Belarusian criminal procedure doctrine, in accordance with the provisions of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566, 1588, is considered in the article. The adoption of these normative documents is associated with the flowering of legal theory and practice of legislative activity of the feudal period in the Belarusian and Ukrainian lands. A significant part of the norms of the Statutes regulated the legal status and activities of the bodies and officials involved in criminal prosecution and justice. The author analyzes the legal status of persons engaged in pre-trial proceedings in the XVI–XVIII centuries (vish, vosny, etc.), the normative regulation of the relevant procedural actions, as well as law enforcement on the lands of the Grand Duchy of Lithuania, which are now part of Belarus. Among other things, such a institute as a scrutiny, as well as the activities of the Kopnoy court in detecting and recording traces of a crime, are subjected to analysis. It is noted that in the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania (especially the Statute of 1588) the procedure for conducting such investigative actions as inspection, examination and search in their current understanding was already regulated in detail. Attention to the rapid development of regulations in the 16th century governing the production of these investigative actions is also drawn in the article. The author notes that a number of norms of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566, 1588, relaying into subsequent normative acts and getting their development in them, have found today in the modern Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus.

Key words: history of law, criminal procedure, vish, vosny, investigative actions, Statutes of Grand Duchy of Lithuania.

Первые работы по кодификации права на территории Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ), в состав которого с XII в. входили и белорусские земли, начались во время правления великого князя Казимира Ягайловича. 29 февраля 1468 г. сеймом был принят закон, содержащий в себе нормы уголовного и уголовно-процессуального права, который в юридической литературе получил наименование Судебник Казимира. Данный нормативный документ регламентировал лишь судебное производство, но его принятием были заложены основы для дальнейшей

систематизации законодательства, которая позже осуществилась в Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. [6, с. 118, 120]. Принятие Статутов связывают с расцветом правовой теории и практики законодательной деятельности периода феодализма на белорусских землях. В них систематизированы нормы конституционного, гражданского, военного, земельного, семейного, уголовного и других отраслей права. Значительная часть норм Статутов регулировала правовой статус и деятельность органов и должностных лиц, осуществлявших уголовное преследование и правосудие.

В Статуте 1529 г. уже вполне определенно выделялись нормы, регламентирующие судебное и досудебное производство. Анализ положений данного нормативного акта позволяет утверждать, что он достаточно подробно регламентировал проведение следственных действий (в нынешнем их понимании). Так, согласно ст. 2 «О доказательствах насилия, как оно должно быть подтверждено и как оно должно быть обжаловано», содержащейся в р. VII, регламентирующей проведение осмотра и освидетельствования в современном их понимании, в случае нападения преступника на чужой дом, сопровождающегося убийством или ранением жильцов, пострадавший, оставшийся в живых, сразу после нападения должен «известить об этом своих ближайших соседей и показаться им, <...> взять вижа, который будет поблизости, и показать ему следы насилия, раны или убитого» [18, с. 176]. Подобный порядок осмотра следов преступления был предусмотрен ст. 6 «Об изнасиловании женщины и девушки» указанного раздела и ст. 20 «Если бы кто-нибудь убил вора на месте преступления» р. XIII [18, с. 85–86].

Интерес представляют ст. 2 «Каким образом в чьем-нибудь доме должны отыскивать поличное или след» и ст. 3 «Если бы кто-нибудь не допустил искать похищенные вещи и отбил поличное» р. XIII, посвященные правилам проведения обыска в современном его понимании. В частности, согласно ст. 2, «если бы кого-нибудь вел доноситель или кто-нибудь за поличным по следу пришел в чей-либо дом, но не мог иметь вижа от того пана, чей человек, или от повета, тогда должен в присутствии посторонних людей произвести обыск в доме. И если бы нашел украденную вещь, то должен вести того человека к тому, под чьей юрисдикцией находится этот человек» [18, с. 124]. В свою очередь, в ст. 3 указывалось на то, что если «<...> кто не дал трести и искати речей краденых» либо отбил поличное, то такое лицо при соответствующем свидетельстве людей, присутствующих при обыске, обязано было возместить ущерб потерпевшему в полном объеме [18, с. 124]. При этом обязательными участниками данного действия назывались и понятые («сторонние люди») [18, с. 124].

Все названные процессуальные действия могло проводить специально уполномоченное на то лицо – виж. Правовой статус вижа в Статуте 1529 г. не раскрывается, законодатель лишь изредка упоминает его (см., например, ст. 11 р. I). Говоря о процессуальном статусе вижа, нужно начать с того, что распространение писанного права в ВКЛ на основе становых привилегий (после Городельской унии 1413 г.) в качестве публичной функции великокняжеских и частных урядов породило обязанность последних по предоставлению личных слуг для обеспечения правовых процедур. Такие слуги замковых урядов выступали как официальные свидетели заявителя для записи правовых действий в урядовые книги и назывались вижами. Вижеводство не закреплялось за конкретной личностью как должность или профессия, а являлось разовым поручением на конкретное дело. Так, при обращении с жалобой пострадавшей стороны урядник давал письменное указание своему слуге – «лист вижовый врядовый», после чего виж выбывал для производства процессуальных действий. Следует отметить, что староста в своих личных делах не мог брать вижа из своего уряда [14, с. 13–14; 15, с. 79, 81–84]. В формулировках назначения на вижеводство обязательно указывались: 1) дело, для которого назначается виж, например, «на осмотр тех сеножатей покошенных»; 2) инстанция, которая его назначает: «с уряда замка господарского Луцкого», или сокращенно «с уряда замкового», или, например, в такой расширенной и редкой форме: «из староства пана моего князя Б.Ф. Корецкого <...>»; 3) личность урядника, который предоставляет вижа; 4) личная служебная принадлежность вижа: «где ж брал у меня (урядника – *прим. авт.*) служебника его мсти

князя старосты луцкого Микиту Ощовского»; 5) имя вижа [15, с. 82]. С небольшими вариациями формулировки возвращения вижа после выполнения правовых процедур повторяют одно и то же, например: «Который виж там был и отголя приехавши и ставши передо мною (урядником – *прим. авт.*), до книг замковых тыми словы сознал <...>». После этого вписывалось «сознание» вижа от первого лица [15, с. 82].

В ходе проведения процессуальных действий виж должен был иметь «при себе сторону» – двух понятых, которые в дальнейшем могли подтвердить правильность его действий (ст. 35 р. 6 Статута ВКЛ 1529 г.) [18, с. 82].

Иных значимых правовых положений, касающихся порядка проведения и оформления процессуальных действий до рассмотрения дела в суде, Статут 1529 г. не содержал. Однако примерно с начала 1540-х гг. вижи по результатам проведенных действий (чаще всего – осмотра и освидетельствования) начали составлять письменный документ – «лист вижовый», или «лист вижового сознания», обладавший полной доказательственной силой. А с начала 50-х гг. XVI в., согласно решению сейма, «лист вижового сознания» приобретал доказательственное значение только после записи в урядовых книгах. Данный документ во многих случаях составлялся не самим вижем, а урядниками пострадавшей стороны от его имени [15, с. 92–93, 95].

Интересна норма, содержащаяся в ст. 27 р. VI Статута 1529 г., согласно которой услуги вижа по проведению процессуальных действий были платными.

Наличие института вижей, в качестве которых выступали слуги различного рода урядников, не устраивало шляхту. Поэтому в результате приложенных со стороны последней усилий решением сейма 1551 г. вижеводство было упразднено, а ему на смену пришел институт возных, скопированный с аналогичного института, существовавшего в Подляшье [12, с. 11].

Говоря об отличии в статусе вижа и возного, необходимо отметить, что в рассматриваемый период в качестве возных на землях ВКЛ выступали шляхтичи из родовых маёнтков, принявшие соответствующую присягу [7, с. 100] (в то же время в Польше таковыми преимущественно являлись необразованные простолудины), которые, в отличие от вижей, лично осуществляли процессуальные действия [13, с. 188].

Первые возные на землях современной Беларуси, скорее всего, появились 21 ноября 1555 г., когда в связи с созданием Слонимского земского суда для обеспечения его деятельности были избраны двое возных [2, с. 2, 38]. Вместе с тем, несмотря на решение сейма 1551 г., одномоментной замены вижей возными не произошло. Поэтому в связи с недостатком последних уряды и суды прибегали к услугам вижей [2, с. 280; 8, с. 66; 9, с. 278]. Более того, вижеводство целиком устраивало нешляхетские сословия, т. к. их социальный уровень был примерно равен статусу типичного вижа. Полноправные жители ВКЛ также не чурались услуг вижа при фиксации телесных повреждений крестьян, уничтожения межевых знаков и т. п. То есть фактически институт вижей не был ликвидирован, а, правильнее сказать, был ограничен применением в частноправовой сфере. В тех случаях, когда сторона собиралась зафиксировать на чужой территории какое-либо правонарушение, от ее собственника предоставлялся виж, который в качестве панского слуги предоставлялся возному при выполнении последним правовых процедур [13, с. 208–209].

В дальнейшем правовой статус возного был закреплен в Статуте 1566 г. Изначально возные вводились для обеспечения работы земских судов, т. е. судов шляхты (ст. 4 р. 4 Статута 1566 г.), однако уже Статут 1588 г. расширил их полномочия. Согласно ст. 8 р. IV названного нормативного документа, возный являлся должностным лицом повета

и не состоял при каком-то конкретном суде [19, с. 146]. Количество возных в повете нормативно не определялось. Их должно было быть «<...> так много, яко бы их потреба указовала водле повету и широкости его а потребы людской» (ст. 4 р. 4 Статута 1566 г.) [7, с. 100]. Например, в Витебском повете в земской книге за 1592–1594 гг. упоминаются 5 возных, в книге за 1594 г. – 5, в книге за 1595–1596 гг. – 4, в книге за 1598 г. – 3 [9, с. 272–273].

Полномочия возного определялись в ст. 5 р. IV Статута 1566 г. К таковым относились: 1) доставка и вручение позовов; 2) установление либо указание при вручении позовов сторонам спора процессуальных сроков, предупреждение их о недопустимости уклонения от участия в судебном разбирательстве; 3) приведение свидетелей к присяге в суде; 4) осмотр следов преступления; 5) введение во владение недвижимым имуществом (имениями, землями и т. п.). За фальсификацию, дачу ложных показаний либо иные противоправные умышленные действия возный подвергался только одному наказанию – смерти. Но и противоправные действия в отношении возного также влекли за собой более суровую ответственность для виновных лиц. В частности, согласно ст. 6 р. IV Статута 1566 г., лица, виновные в противодействии возному, либо избившие его, обязаны были уплатить штраф в двойном размере и отсидеть шесть недель в замке или «дворе поветовом» [7, с. 100–101]. Услуги возного, как и услуги вижа, были платными (ст. 4 р. IV Статута 1566 г.).

По сравнению со Статутом 1529 г., в нормах Статута 1566 г. досудебному производству в современном его понимании уделялось гораздо больше внимания. Например, в соответствии со ст. 5 «Дело и врьд возного» р. IV «О суде и судьях», ввозный был обязан «<...> квалты, розбой, раны головщизны оглядывати <...>», по результатам проведенного осмотра (освидетельствования) делать запись в книги урядовых. Однако срок, в течение которого должна была учинена эта запись, в Статуте не оговаривался. В случае проведения осмотра (освидетельствования) возный должен иметь при себе двух шляхтичей «<...> для подпору вызнанья и сведецтва своего <...>». Когда же возный осматривал «<...> бои, грабежи и кривды раны и иншые шкody тымь подобные меньшые, а не кривавые <...>», участие шляхтичей-понятых не требовалось. Согласно ст. 4 этого же раздела, понятых подбирали не возный, а лицо, которое его вызывало [7, с. 100]. Следует отметить, что для осмотра следов преступления и проведения иных процессуальных действий возный, как и виж, мог выезжать только по указанию уряда. Эта норма снижала оперативность досудебного производства и осложняла порядок вызова возного. Данный недостаток был устранен только в 1587 г. решением Варшавского сейма, согласно которому каждый мог и без указания уряда брать возных для проведения процессуальных действий [7, с. 225].

Так как Статут 1566 г. разрабатывался на основе первого Статута, то некоторые его положения без особых изменений были заимствованы от предшественника. Например, Статут 1566 г. сохранил правило, согласно которому проводить процессуальные действия мог не только возный, но и соседи пострадавшего, их урядники и другие «люди добрые веры годные», которые позднее на суде должны были подтвердить ими увиденное. Кроме того, согласно ст. 5 р. XIV, обыск «в месте» (большом населенном пункте) проводился в присутствии «местского вижа». Также потерпевший мог засвидетельствовать следы насилия на своем теле непосредственно уряду. Подобное положение содержится, например, в ст. 19 «Кто бы на кого на дороге засаду устроил, а при этом сам был убит» р. XI [7, с. 180, 203]. Кроме того, ст. 2 «О доказательстве насилия, как должен его освидетельствовать и обжаловать» и ст. 8 «Об изнасиловании девушки и замужней женщины» р. XI Статута 1566 г. по своему содержанию

были аналогичны вышерассмотренным положениям Статута 1529 г. об осмотре следов нападения на дом и следов изнасилования.

Но Статут 1566 г. включал гораздо больше норм, требующих проведения осмотра (освидетельствования). Такие положения, например, содержали в р. XI ст. 6 «Если бы убит преступника в своем доме и его сообщников», ст. 7 «Кто бы напал на чужое имение или на село, и при этом был убит», в р. XIV ст. 19 «Об убийстве преступника с поличным» и т. д.

Необходимо обратить внимание на ст. 5 «Як маеть в дому чиём лицо зостати» р. XIV Статута ВКЛ 1566 г., регламентирующей проведение обыска, согласно которой лицо, желавшее провести обыск в чужом доме, должно было взять возного, либо, как отмечалось выше, «местского вижа» и перед урядом перечислить похищенное. Затем заинтересованное лицо в присутствии указанных уполномоченных лиц и понятых («людей посторонних веры годных») проводило обыск. В случае обнаружения похищенного и задержания с поличным виновного лица, проводившее обыск, «маеть при том же ввозном людех сторонних того, кого при лицы зостанеть, вести до врьду <...>». Если же лицо, у которого проводился обыск, оказывало противодействие, то оно обязано было возместить ущерб, причиненный пострадавшему преступлением, в полном объеме. В тех случаях, когда обыск нужно было проводить в доме чьего-либо подданного, заинтересованная сторона с участием вышеуказанных лиц должна была, окружив дом, уведомить о предстоящем процессуальном действии «того пана або врьдника», для обеспечения их права на участие в обыске. При отсутствии последних, а также других «старших», заинтересованная сторона уведомляла об обыске близлежащих жителей, чтобы действия обыскивающих не были истолкованы как противоправные [7, с. 203–204].

Вскоре после принятия Статута 1566 г., а именно в 1569 г., ВКЛ было объединено с Польшей в новое государство – Речь Посполитую. Это событие вызвало необходимость согласования законодательства двух государств. Поэтому в 1589 г. на территории ВКЛ был введен в действие Статут 1588 г. В свою очередь, в Правобережной Украине, которая в 1569 г. вошла в состав Польши, более 260 лет действовал Статут 1566 г. [7, с. 8–9].

В Статуте 1588 г. нормы, касающиеся досудебного производства, фактически дублируют соответствующие нормы, содержащиеся в Статуте 1566 г. Так, ст. 9 «Справа и врьд возного» р. IV Статута 1588 г. практически аналогична содержанию вышеуказанной одноименной ст. 5 р. IV Статута 1566 г., а ст. 5 р. XIV Статута 1588 г. сохранила приведенный ранее номер статьи и раздела Статута 1566 г., а также во многом содержание нормы, посвященной регламентации обыска.

Вместе с тем ст. 9 р. IV Статута 1588 г., отличная от норм Статута 1566 г., устранила пробел о сроках внесения в урядовые книги «листа сознания» возного. Так, согласно указанной норме, возный после проведения процессуальных действий «<...> без каждого омешканья за тыднь, а надалей за две недели, сам очевисто то все до книг врьдowych *прыквитех своих* [с письменным документом], которые зараз стороне дати повинен с печатью своею и с печатью тое стороны и с подписью рук их <...> маеть сознати <...>» [19, с. 147]. Данная норма на практике соблюдалась безукоризненно, подтверждением чему служат записи в судебных книгах [3, с. 105–106]. Интерес, кроме того, представляет запись в актовой книге Оршанского гродского суда о наезде запорожских казаков на с. Холстово, в которой фиксируется беседа возного с гетманом и сотником казаков, учинившими наезд, а также разговор с их пленниками (интересно, что часть текста изложена от первого лица и, судя по всему, дословно), после чего следует канцелярская фраза возного: «Том

я виде и слышал и так до книг сознаваю, и на том дал сесь мой квит за моею печатью и с подписом руки моее власное и под печатмитых двух шляхтичов, а который писать умел и руку свою подписал» [4, с. 184–185]. Приведенный документ в определенной мере можно рассматривать в качестве предшественника современного протокола допроса.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в Статуте 1588 г. уже было закреплено правило о составлении по результатам проведенных процессуальных действий (осмотра, допроса и др.) отдельного документа – квита, которое фактически существовало еще во время действия первого Статута, на что уже указывалось выше, когда говорилось о «листе вижового сознания». Данный квит заверялся печатями участвующих в проведении процессуального действия шляхтичей и возного, а также подписями этих лиц (в том случае, если они умели писать). То есть возный (как ранее и виж), в современном понимании, составлял протокол осмотра, допроса и т. д., а затем производил соответствующую запись в урядовых книгах.

Кроме рядовых возных, ст. 104 р. IV Статута 1588 г. утверждалась должность главного возного повета «<...> которого латинским языком зовуть енерал» [19, с. 213]. Однако обязанности генерала (енерала) были идентичны обязанностям простых возных, он лишь занимал среди них первое место, не имея при этом прав начальника над подчиненными. Данное должностное лицо даже иногда называлось не генералом, а просто возным [9, с. 274–275]. Отличие между возным и генералом заключалось в том, что первый мог исполнять свои обязанности только на территории своего повета, в то время как генерал – на территории всего государства [19, с. 213].

Так как в некоторых поветах возных не хватало, досудебные процессуальные действия иногда все еще проводили дворовые вижи [8, с. 66]. Кроме того, право осуществлять процессуальные действия в досудебном производстве имели и соседи пострадавшего, их урядники и другие лица, которые позднее в суде должны были подтвердить увиденное ими. За потерпевшим также сохранялось право засвидетельствования следов насилия на своем теле непосредственно уряду. Подобные положения содержались в ст. 19 «Кто бы убил преступника в своем доме и его сообщников», ст. 30 «Если бы шляхтич избил шляхтича на дороге» р. 11, других статьях Статута 1588 г. [19, с. 277–278, 282–283, 287, 293–294, 427, 429, 430, 433].

Особого рассмотрения заслуживает правовой институт шкруктыниум, заимствованный процессуальным правом ВКЛ из польского законодательства в 1578 г. [7, с. 233–234]. Термин «шкруктыниум» как в историческом, так и в современном понимании имеет достаточно широкое толкование: розыск, следствие, обыск, исследование, допрос, дознание, испытание, голосование [17, с. 393]. Сегодня в белорусской юридической литературе шкруктыниум как процедура, предусмотренная Статутами ВКЛ, определяется как предварительное расследование (предварительное следствие) [11, с. 89].

В Статуте ВКЛ 1588 г. регламентации шкруктыниума посвящены ст. ст. 61–64 р. XI. В соответствии с указанными нормами, шкруктыниум проводился по факту совершения преступлений, за которые предусматривалось наказание в виде лишения чести и жизни. Обязательным условием для его начала являлось наличие у заявителей (либо одного заявителя) сомнительных доказательств. Приняв решение о начале проведения шкруктыниума, «вряд замковый» направлял на место для сбора доказательств судебного старосту повета, а при его отсутствии – двух должностных лиц: наместника либо подстаросту и одного из судей. При невозможности участия в процессуальных действиях одного из указанных лиц на место выбывало одно уполномоченное лицо в сопровождении городского писаря. В исключительных ситуациях допускалось про-

ведение шкруктыниума одним из названных лиц. Однако в любом случае, согласно ст. 62 Статута 1588 г., при отсутствии старосты «шкруктаторы» обязаны были иметь при себе «возного и колку шляхтичов, <...> принимающей трох особ, ни одной стороне, в праве том стоячей, неповинных» [19, с. 309]. Со временем нормативное требование об обязательном присутствии трех шляхтичей на практике перестало выполняться [16, с. 104]. Срок выезда на шкруктыниум вряд назначал на судебной сессии, но сам выезд всегда производился после ее окончания «яко наборздей быти можеть скоро» [19, с. 309].

Исходя из содержания ст. 63 р. XI Статута 1588 г., шкруктыниум состоял в основном в получении показаний у лиц, которые могли видеть что-либо относящееся к преступлению. При этом показания, поклявшись и имея «перед очима своими боязнь божью и сумнение доброе», обязаны были давать все граждане «веры годные» как духовного, так и светского «стану» [19, с. 309–310]. Для полноты получения информации «шкруктаторы» из поданного в суд заявления по каждому его пункту выписывали вопросы, подлежащие выяснению [16, с. 103, 105].

В отличие от принятой в те времена частно-публичной процедуры досудебного производства, во время шкруктыниума заинтересованные стороны не имели права как предоставлять свидетелей, так и обзывать кого-либо к даче показаний.

Шкруктаторы были обязаны установить не только обстоятельства самого преступления, но и его причины, поступки и действия тяжущихся сторон. Последние, кстати, во время «такого опыту и выведанья при врьде быти и того ся прислухивати» не могли. Полученная информация подробно и достоверно записывалась, удостоверялась подписями и печатями присутствующих шляхтичей и возного, после чего все листы сшивались, запечатывались либо опечатывались для последующего представления в суд [19, с. 309–310].

Ст. ст. 65 и 66 Статута 1588 г. отдельно предусматривали возможность проведения шкруктыниума по решению Господарского суда (под руководством короля Речи Посполитой) и Главного трибунала ВКЛ. В первом случае шкруктыниум проводили два или три врьдника повета, в котором было совершено правонарушение, а во втором – непосредственно двое судей трибунала [19, с. 310–311]. Интересно, что услуги «шкруктаторов», как и услуги возного, были платными, но стоили гораздо дороже: по наиболее важным делам каждый «шкруктатор» от тяжущихся сторон получал 300 злотых [16, с. 103].

Отдельно следует затронуть вопрос о возможности осуществления досудебной проверки в деятельности копного суда. Копный суд в ВКЛ – это суд, основанный на традиционном праве, существовавший до появления писанного права (в т.ч. «Русской правды») и на землях, входящих сегодня в состав Беларуси и северной Украины, до XVII–XVIII вв. [10, с. 93–94]. Судебная деятельность осуществлялась копой – собранием совершеннолетних мужчин, простых людей, жителей окрестных поселений [1, с. XXVIII–XXX]. Видами (или этапами) деятельности копного суда являлись «горячая» и «вальная» (завиная) копа [1, с. XXIV]. Вальная копа по результатам рассмотрения дела принимала окончательное решение по нему, а иногда – и исполняла приговор. В свою очередь, деятельность, осуществляемая горячей копой, фактически в большей части воспроизводила «гонение следа», регламентированного «Русской правдой». В частности, лицо, у которого было совершено хищение, должно было «поднять след тое шкгоды своее, и собравшы людей добрых околичных суседов водле давного обычаю», идти по следу. Если след приводил к другому селению или чьему-либо дому, то жители последних обязаны были «з села своего и з дому» «след вывести». При этом дальнейшее ведение следа производилось уже другой копой, т.е. жителями

населенного пункта, в который приводил след преступления. В тех случаях, когда жители какого-либо села, «до которого след приведен, от себе следу не вывели або от следу отбили або выгнавши быдлом затоптали», копа, осуществлявшая гонение следа, приглашала возного для засвидетельствования как данного факта, так и обязанности «виновной» копы по поиску преступника и возмещению причиненных убытков. Все увиденное и услышанное на копе возный записывал в книги гродского суда (ст. 6 р. XIV «О гоненье следом в какой колвек школе покраденной» Статута 1566 г.) [7, с. 204–205]. Практически аналогичная по содержанию норма содержится в ст. 9 р. IV Статута 1588 г. [19, с. 450]. Кроме того, как отмечал в свое время Ф. Леонтович, копа для проведения процессуальных действий, например, для «трясенья» (обыска) дома с целью поиска похищенного, приглашала вижа еще до появления в середине XVI в. должности возного [10, с. 114].

Таким образом, говоря о «горячей копе», целесообразно отметить ее схожесть со шкрудыниумом с той лишь разницей, что первая – институт древнего розыска, а второй – процедура, присущая более поздним формам розыска процесса [17, с. 396]. Также «горячую копу» можно рассматривать как некий аналог досудебного производства в современном его понимании. Во второй половине XVII – в XVIII в. представители государственной власти все больше и больше стремились влиять на

деятельность копы, что вместе с развитием крепостного права и активизацией вотчинного суда стало главным фактором упадка рассматриваемого института [5, с. 27–28] и его исчезновения.

Статут 1588 г. как один из крупнейших сводов законов феодального права действовал на территории, входящей сегодня в состав современной Беларуси, и после присоединения ее к России в Витебской и Могилевской губерниях до 1831 г., а в Виленской, Гродненской и Минской губерниях – до 1840 г. [19, с. 38].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что в Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. (особенно это касается Статута 1588 г.) уже довольно детально регламентировался порядок проведения таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование и обыск, в нынешнем их понимании, а также процессуальный статус должностных лиц, осуществлявших уголовное преследование (вижа, возного). При этом соответствующие нормы, зафиксированные впервые в Статуте 1529 г., за очень короткий исторический промежуток интенсивно развивались и трансформировались, были закреплены в Статуте 1588 г., действие которого на белорусских землях было прекращено лишь в начале XIX в. В то же время ряд положений Статуты ВКЛ, ретранслируясь в последующие нормативные акты и получая в них свое развитие, сегодня закреплены в современном Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 18 : Акты о копных судах. Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1891. LXI, 577 с.
2. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов : в 39-и т. / Виленская Археографическая комиссия. Вильна, 1865–1915. Т. XXII : Акты Слонимского земского суда (1555–1570). Предисловие К. Снитко. Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1895. LXIV. 471 с.
3. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Предисл. А. Миротворцева. Вильна : Печатня Губернского Правления, 1867. Т. 3 : док. 1432–1785. XVIII. 365 с.
4. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 1. Вильна : Печатня Губернского правления, 1867. 410 с.
5. Буцін Д. Склад удзельнікаў копнага суда на беларускіх землях Вялікага княства Літоўскага (XVI–XVII ст.). *Працы гістарычнага факультэта БДУ* : навуковы зборнік. Вып. 5 / рэдкал. : У. Коршук (адк. рэд.) і інш. Мінск : БДУ, 2010. С. 18–28.
6. Доўнар Т. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. 416 с.
7. Доўнар Т., Сатолін У., Юхо Я. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / рэдкалегія : Т. Доўнар і інш. Мінск : Тэсей, 2003. 352 с.
8. Лаппо И. Гродский суд в Великом Княжестве Литовском в XVI столетии. *Журнал Министерства Народного Просвещения*. Новая серия. Ч. XI. 1908. № 1. Отд. 2. С. 51–113.
9. Лаппо И. Земский суд в Великом Княжестве Литовском в конце XVI века. *Журнал Министерства Народного Просвещения*. Седьмое десятилетие. Ч. СССXI. 1897. № 6. Отд. 2. С. 263–301.
10. Леонтович Ф. Областные суды в Великом княжестве Литовском. *Журнал Министерства юстиции*. 1910. № 10. С. 85–128.
11. Носкевич И. Формирование и реформирование органов предварительного расследования Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2017. № 2. С. 88–94.
12. Поліщук В. Офіційні свідки в структурі Луцького замкового уряду до реформ 1564–1566 рр. (службове підпорядкування і правові послуги) : автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2003. 18 с.
13. Поліщук В. Запровадження уряду возного в Луцькому повіті у 1567 р. *Український археографічний щорічник*. Київ, 2002. Вип. 7. С. 185–215.
14. Поліщук В. Офіційні свідки вижілуцького замкового уряду в 1561–1567 рр. (особовий склад та службове підпорядкування). *Соціум : Альманах соціальної історії*. Київ, 2005. Вип. 5. С. 13–39.
15. Поліщук В. Врядове виживство в структурі публічно-правових процедур (на матеріалі луцьких замкових книг 1558–1567 рр.). *Соціум : Альманах соціальної історії*. Київ, 2002. Вип. 1. С. 79–107.
16. Ручной словарь, или Краткое содержание польских и литовских законов, служащих руководством в судебных тяжбах всякого рода, собранных для употребления в присутственных местах и для пользы частных обывателей Коронных и Литовских провинций. Пер. с пол. Санкт-Петербург, 1810. XV. 382 с.
17. Сокальская Е. Процедура *scrutinium* в судебном процессе Короны Польской и Великого княжества Литовского : сравнительный анализ. *Гісторыя і сучаснасць : беларуская дзяржаўнасць в аўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце* : зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо. Мінск, 2012. С. 392–397.
18. Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. 253 с.
19. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. *Беларус. Сав. Энцыкл. / рэдкал. : І. Шамякін (гал. рэд.) і інш.* Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с.